

Манилов

Манилов — «сладкий» сентиментальный помещик; первый, к кому направляется Чичиков в надежде приобрести мертвые души (гл. 2). Персонаж, «собранный» из обломков литературных штампов; связан с водевильно-комедийным типом душщипательного «карамзиниста»; с мольеровским типом «глупого дворянина» и др. Сквозь многочисленные литературные маски в образе Манилова просвечивает маска социальная. В его портрете (белокурые волосы, голубые глаза), в рисунке его поведения (приторная мечтательность при полном бездействии), даже в возрасте (около 50 лет) могут быть опознаны черты «сентиментального», душевного и пустого государя Александра I последних лет его правления, приведших страну к катастрофе. Во всяком случае, это тот же социальный тип. (Предпринимавшаяся попытка связать Манилова с Николаем I была заведомо ошибочной.) Имя жены Манилова, приятной дамы, плетущей кружевные кошельки, — Лизанька — совпадает как с именем сентиментальной героини Карамзина, так и с именем жены Александра I.

Сконструированность образа Манилова, его сотканность из чужих лоскутков, отсутствие какого бы то ни было намека на биографию подчеркивают пустоту героя, «ничтожность», прикрытую сахарной приятностью облика, «великатностью» поведения. (По отзыву повествователя, Манилов — ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан; черт знает что такое.)

Характеры помещиков, изображенных в поэме, отражаются в вещах, которые их окружают. Дом Манилова стоит на юру, открытый всем ветрам; «покатость горы» покрыта подстриженным дерном; видны жиденькие вершины берез; беседка возвышенно поименована «Храмом уединенного размышления»; пруд полностью подернут ряской; повсюду серенькие избы, числом 200; в селе нет деревьев; «окрас» дня — не то ясный, не то мрачный, светло-серого цвета — совпадает с колором кабинета Манилова, покрытого голубенькой краской вроде серенькой. Все это указывает на никчемность, безжизненность героя, от которого «не дождешься ни одного живого слова». Скрытой «мертвенности» Манилова соответствует бездеятельность (он не знает, сколько человек у него умерло, — всем ведает сорокалетний сытый приказчик), неподвижность его времяпрепровождения (в зеленом шалоновом сюртуке или в халате, с чубуком в руке). Зацепившись за любую тему, мысли Манилова ускользают в никуда, в раздумья о благополучии дружеской жизни, о мосте через пруд, о бельведере, столь высоком, что с него можно за чаем наблюдать Москву, до которой с трудом доедет колесо чичиковской брички. В мире Манилова нет и времени: два года заложена на одной и той же странице какая-то книга (видимо, выпуск журнала «Сын Отечества»); восемь лет длится супружество — но Манилов и его Лизанька по-прежнему ведут себя как молодожены. И действие, и время, и смысл жизни заменены словесными формулами; услышав от Чичикова его странную просьбу («Я желаю иметь мертвых...»), Манилов потрясен, остается несколько минут с раскрытым ртом и подозревает гостя в помешательстве. Но стоит Чичикову подобрать изысканное словесное оформление своей дикой просьбе, как Манилов совершенно успокаивается. Причем навсегда — даже после «разоблачения» Чичикова он будет настаивать на его «доброкачественности» и высоких свойствах чичиковской души.

Мир Манилова — это мир ложной бытовой идиллии, которая чревата ложной утопией фантастического благоустройства (ср. греческие имена его детей — Фемистоклос и Алкид, помимо всего прочего связанные с греческим происхождением идиллии). «Ложность» маниловской утопии и маниловской идиллии предопределена тем, что ни идиллического прошлого, ни утопического будущего у Манилова нет, как нет и насто-

ящего. Путь Чичикова в затерявшуюся Маниловку не случайно изображен как путь в никуда: даже выбраться из Маниловки, не затерявшись на просторах русского бездорожья, — и то трудно. (Намереваясь попасть к Собакевичу, Чичиков должен будет сначала заночевать у Коробочки, а затем завернуть к Ноздреву, то есть именно к тем «незапланированным» помещикам, которые в конце концов и погубят его славную репутацию.) В соответствии с сюжетной схемой 1-го тома, «переворачивающей» схему дантовского «Ада», образ Манилова в портретной галерее погибших или погибающих душ занимает одновременно и самое высокое, и самое низкое место; он в равной мере «прописан» и в верхнем круге, Лимбе, и в последнем, 9-м круге российского «ада», откуда нет шансов выбраться в грядущий российский «рай». В Манилове нет ничего отрицательного; он не пал так низко, как Плюшкин и тем более сам Чичиков; он не совершил в этой жизни ничего предосудительного, потому что вообще ничего не совершил. Но в нем нет и ничего положительного; в нем совершенно умерли какие бы то ни было задатки. И потому Манилов, в отличие от остальных «полуотрицательных» персонажей, не может рассчитывать на душевное преображение и возрождение (смысловая перспектива 2-го и 3-го томов) — в нем нечего возродить и преобразить.